

Литература

11 класс

Максимальное количество баллов – 70.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершённого текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

ЗАДАНИЕ 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещённых ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

Работая с текстом рассказа Юрия Олеши, обращайте внимание на принципы создания характера героя, особенности композиции, основные мотивы произведения, его стилистику, связь с литературной традицией.

Юрий Олеша

Пророк

Козленков стоял на холме. Был жаркий летний день, необъятность, чистота, блеск. Среди необъятности стоял Козленков совершенно один в парусиновой блузе, в сандалиях, в картузе, надетом по-летнему: кое-как. Лицо ощутимо покрывалось загаром.

Зелени было мало. Ландшафт был суховат. Чернели в грунте трещины. Грунт был звонок.

По крутой тропинке, ведущей на холм к подножию Козленкова, быстро взбирался ангел, огромный ангел с черными — до плеч вьющимися волосами, не имеющий крыльев, могучий. На нем был шлафрок из красной, темной материи, в руке — посох, под шлафроком кругло двигались колени.

Он вырос перед Козленковым на краю холма. Высокий посох с цветущими ярко-зелеными почками уперся в сухую землю среди травинок. Посох блестел, как блестит мебель. Почки походили на головки птенцов... Ангел стоял прямо. Кадык его имел форму кубка. Ангел протянул руку к плечу Козленкова.

В этот миг Козленков проснулся. Проснулся он, как просыпался ежедневно — около восьми часов утра. На столе зеленел остаток вчерашнего ужина: лук, салат. Козленков выпил стакан воды залпом.

Он умылся, оделся; было веселое утро, лето. Козленков выглянул в окно; ему показалось, что кое-где в зелени блестит роса, что вспорхнувшая птица уносит каплю. Всякое проявление воды тешило его, потому-то после лука его мучила всю ночь жажда. По коридору бегала, прячась и взвизгивая, соседка.

Напившись чаю, он вышел из дому. Дворник сказал, что в соседнем доме повесилась девушка. Козленков поспешил посмотреть.

В соседнем доме посреди двора разбит был садик. Из окон смотрели жильцы. Козленков подумал: опоздаю на службу, однако не устоял. Происшествие случилось на черном дворе. Козленков остановился под аркой. На него двигалось шествие: бабы, мужчины в жилетках, корзина с овощами, собаки, дети, метла; вынутую из петли несли на руках.

Она лежала на шествии, живая, ярко освещенная солнцем, в платье с напечатанными розанами. Вдали трубил рожок. Ехала карета. Козленков разузнал: девушка была несчастна, брошена, голодала.

Вдруг Козленков увидел темное, неоскрытое после зимы окно, вату между рамами, гарус, свечу. Окно никакого отношения к самоубийству не имело. Затем: на крыльце сидела впавшая в детство старушка. Старушка ела, брала еду кусочками с колен.

«Горе, — подумал Козленков. — Ах, горе».

И стало ему всех жаль.

— Надо помочь! — громко, воодушевленно сказал он.

Он хотел сказать так:

— Я видел человеческое горе. Нужно помочь всем людям сразу. Нужно немедленно сделать нечто такое, что уничтожило бы человеческое горе разом.

— Помогут. Жива, — ответили из толпы.

Силой, которая могла бы уничтожить человеческое горе разом, Козленков не обладал. Он знал, что такой силы нет. Нужно ждать, накапливать эту силу.

Желание Козленкова было так страстно, порыв так неудержим, что согласиться хотя бы на минутное ожидание он не мог. Поэтому он подумал о чуде.

— Нужно сделать чудо, — вздохнул он.

На службе, в обеденный перерыв, жуя булку с колбасой, Козленков вспоминал утреннее происшествие. На глазах у него блестели слезы. Он сдерживал плач, глотать становилось труднее. Он воображал картину.

Он входит во двор с цветущим посохом. В садике поют птицы, качаются на кустах цветы, люди в страхе бегут с подоконников. Навстречу несут девушку. В пролете арки видна старушка, окна с гарусом. Он касается ладонью девушка лба. Тотчас же окно поднимается ввысь, поворачивается к воздуху и солнцу, распаивается во всю ширь, свисают с подоконников пелярговии, ветер раздувает занавески... Тотчас старушке возвращается молодость, сын; они едят арбуз, сидя за деревянным, чисто вымытым столом. Арбуз снежен, ал; косточки чисты, блестящи, косточками можно играть в блошки. А девушка... Все счастливы. Мечты исполняются, возвращаются утраты.

Козленков вдруг встал. Он вспомнил сон. С грохотом стул отошел назад. Поднялись дыбом страницы бухгалтерской книги.

Он открыл дверь в соседнюю комнату и переступил порог. Тотчас же все головы пригнулись. Он видел: открыты окна, за окнами зелень, ветви. Тотчас же окна пришли в движение, какая-то сила, какой-то дух полетел на них, кидая во все стороны створки. Поднялись и зашумели ветви. Со столов, образуя смерч, взлетели бумаги. С громом захлопнулась за ним дверь. Противоположная открылась сама собой.

И — самое главное — он видел: все головы пригнулись, все головы упали ниц. Конечно, он знал, что причина — сквозняк. Но он видел также, что никто не может поднять на него глаз. И оценить значение этого он мог как угодно.

Он подумал: «Все упали передо мной ниц. Я иду. Я видел ангела. Я пророк. Я должен сделать чудо». Он прошел через ряд комнат, производя сквозняк, бурю. Путь его сопровождался криками. Крики означали:

— Осторожно! Двери! Двери! Ловите бумаги! Разобьется окно! Швейцаров нет!

Но Козленкову не запрещено было придавать крикам иное значение. Одни казались ему выражением восторга, другие гнева. Он шел, как пророк, — долгожданный для одних,

ненавидимый другими. Он исполнял волю пославшего. Окна хлопали, вспыхивало стекло, в саду оттого летали молнии. И вот наступил экстаз. Козленков предстал перед главой учреждения. Глава стал медленно подниматься в кресле своем навстречу Козленкову. Пророк стоял взъерошенный сквозняком, бледный, с горящими глазами, задыхающийся.

— Выдайте мне жалование за две недели вперед, — сказал Козленков. И через минуту он возвращался обратно, держа в руках записку главы учреждения.

— Чудо, — говорили вокруг. — Чудо. Чудом получил, чудом!

Деньги были получены. Он вышел. Все бросились к окнам. Он шел без шапки, встречные оглядывались. Затем он искал вынутую из петли девушку. На том черном дворе сказали ему, что девушка в больнице. Его ударил неизвестный человек.

— Да не того бьешь, — закричала баба, — за что бьешь!

Неизвестный ударил его снова кулаком между лопаток. Козленков странно выпрямился от этого удара. И от внезапного выпрямления легко, как-то поджаро, пустился по лестнице. Лицо его светилось. Он знал, что просто его приняли за другого, за виновника девушкиных несчастий. Он смолчал, потому что принял на себя вину другого. Осмеянный, он пронесся по двору.

В садике том играла мячиком девочка. Мячик попал в кустарник. Козленков полез по траве, по черной почве газона, разнял кустарник и поднял шар. С крыши видел все это дворник. Голову Козленкова усеяли лепестки, в ладони торчал шип.

Дворник, осиянный высотой, небесами, гремел над миром. Проклятья неслись с высоты. Фартук его развевался. Как раз то расположение материи, напоминающее свиток, какое бывает на мраморных ангелах, образовалось у ног дворника. И как раз дворник стоял над вершиной лестницы — обыкновенной пожарной лестницы, — но в лучах солнца лестница пламенела, — и Козленков ужаснулся.

Козленков приближался к больнице. Лепестки, тихо кружась, слетали с его головы.

— Я не могу, — вздохнул он. — Зачем послали мне ангела?

И он пошел домой. Во дворе у крыльца сидела прачка Федора. Она продавала овощи. На крыльце стояла корзинка с грубыми — но с виду изваянными — капустными головами. Козленков взглянул. Капустная голова с завитыми листьями — именно завитки эти мраморной твердостью и прохладой листов произвели тревогу в памяти Козленкова. Подобного статуйного характера завитки уже он видел сегодня на фартуке дворника.

Прачка держала в руках капустный шар. Была она в красном одеянии, могучая. Так и вчера в тот же час стояла она над корзиной, и вчера Козленков купил у нее молодого луку. Теперь он сделал то же самое. Прачка уложила капустную голову в корзину (голова скрипела в ладонях, как вымытая) и достала лук.

«Плохая прачка», — подумал Козленков. Вчера вечером, ложась спать, он досадовал на жесткость простынь. Вчера же наелся он луку. Ночью он просыпался от жажды. Ему было жарко, он поворачивал подушку — и когда, мающийся и сонный, обретал обратную ее, прохладную сторону — наступало исцеление и успокоение. Но вскоре и эта сторона покрывалась жаром.

Удивительный день кончился. Вечером снова Козленков ел лук. Хлеб с маслом и лук — горький, сладкий, потный, с подмышечным запахом. Перед тем как ложиться, он пошастал рукой по натянутой на матрац простыне, дабы сгладить невидимую ее шероховатость.

Прошедший день был страшен. Козленков заснул. Вновь мучила его жажда, сушь, вновь сушь распростерлась перед ним: желтый, звонкий ландшафт, пористый грунт. Он спал. Тело его бунтовало, он метался, ища обратную сторону подушки, он протестовал, спящий, он негодовал на самого себя, действующего во сне, протестовал против самого себя, вновь поднимающегося на холм... Он мычал во сне, бил по одеялу руками...

Но вновь остановился он на холме, и вновь снизу пошел на него ангел в красном одеянии, черноголовый и могучий. В ту секунду, когда видение началось и в теле спящего Козленкова началась изжога. Именно подступ изжоги к горлу, ход ее откуда-то из недр

пищевода и был в сновидении появлением и ходом ангела. Но то знание, которое приобрел Козленков днем, — знание о сходствах, замеченных им между целым рядом предметов, отразилось на работе сонного его сознания, — и так как знание это было разоблачительным по отношению ко сну, то сон ослабел, сон готов был прерваться.

Еще секунда — и спящий воспрянул бы... И действительно, Козленков через секунду проснулся, успев увидеть перед собой на краю холма прачку Федору. Козленков проснулся. Было светло. Он напился воды, засмеялся и заснул.

1928

Текст 2.

При аналитической работе со стихотворением Марины Цветаевой, учитывайте название и тему стихотворения, обращайте внимание на особенности лексики, поэтического синтаксиса, связь с мифологией и литературной традицией.

Марина Цветаева

Молвь

Ёмче органа и звонче бубна
Молвь — и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не даётся — эх!

Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.

Наинасыщеннейшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так, перед вспыхнувшей Суламифью —
Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.
Ах, это занавес — вдруг — разверстый.
Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок — как ахал
В ночь полонецкий стан!

И пригибался, и зверем прыдал...
В мхах, в звуковом меху:
Ах — да ведь это ж цыганский табор
— Весь! — и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржёт, предвкушая бег.

Се, напоровшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —

Пушкину. И — раскалясь в полёте —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! — эх! — ах!

23 декабря 1924

Количество баллов — 50

Ответ:

Анализ рассказа
И. Олеше «Турок»

По названию рассказа И. Олеше «Турок» можно предположить, что автор хотел отослать читателя к романтической литературе А.С. Пушкина, М.Ю. Верещагина, поманившего каноном литературной традиции «пророков» и других авторов, чья творческая деятельность в стихотворениях привнесла в такую традицию — «Турок» — поэты выказывают своё видение изображения своей судьбы, сущности, души, обитавшего поэта — «пророка». Однако в рассказе И. Олеше речь идёт не о поэзии, а о прозаическом существовании (много мелких) человека.

Главная тема рассказа и есть тема «пророка», безвестности, одиночества и умения с этим темой вести в чужом, незнакомом шумном мире.

Центральными образами в произведении И. Олеше стали образ ангела и постола, впервые проявившиеся во сне героя, также распространены во многих литературных произведениях приёмы, позволяющие символически приёмом, позволяющим раскрыть внутренний мир героя персонажа, и героя.

Основные мотивы «Турок» в рассказе «Турок» довольно яркие. Это мотивы чужды, или стихии (ветер, расклевывающий глаз бумажки, закрывающей двери, заставляющей людей шептать голоса), мотив одиночества, даже забвения (онко, неслышное поле души, тайные, старинные, влюбленные в детство). В произведении также выделены приёмы: «ноги во сне героя, земля, лето за елкой, роса, цветущий садик ангела,

тоже и у ша, а затем и в воображаемом персонаже.

Композиция произведения соответствует художественному стилю жанра рассказа: темные события, времена, персонажи и события героя, небольшие объемы. Стоит отметить большое количество оборотов: автор использует в основном довольно "предупрежденные", временными однородными, однородными, инфинитивные, инфинитивные, инфинитивные конструкции (, Клад с маслом и лук (...)", , было светло"). Забвкой выступает сам шабного героя и следующее за ним утро, развитие сюжета - события во дворе, инфинитивные - осуждение персонажем себе как пророка, события на работе, забвкой - приход его домой, сам еще один сам уже не.

Ю. Власов использует в рассказе "Турок" темные художественные средства, как правило, "Он шёл, как пророк (...)", , жидкость (...), с цветущими носками " ", , "Дружественный день (...)", , ощущение (, вновь мухляла его жандарма (...)", , шербата (, Воронка (...), грешнее под миром ", анафора (, и не и видел ангела и пророка и дриски грешнее мура ", лексический повтор (, Шло его бутылочное, он шёл (...), он протестовал, шёл, он недовольно на шабного себе (...), протестовал против самого себе (...)", , метафора (, вновь мухляла его жандарма, шло, вновь шло распространялось перед ним (...)", , парцелляция (, Кошечков вернул ветку. Он встал сам. С протестом ступил (...), , турок. Турок шёл дальше ступил бурлачской шиле " и выражения (, Турок шёл дальше ступил (...)", .

Для раскрытия характера шабного героя, Кошечкова, автор, как уже упоминалось, использует сам, в котором он встретил шабного ангела. Мысли Кошечкова, представленные предупредительными и использованными парцелляциями, и в целом однородными в определённой степени однородными предупредительными, составными тексты, содержат впечатлительные парцелляции, конкретности, приемы которые присущи шабному герою турок. Также, что в рассказе не представлено или шабного героя, иная мы знаем или его ограниченно. Возможно, Ю. Власов преследовал цель показать некоторую замкнутость, закрытость Кошечкова.

В конечном итоге можно сказать, что этот рассказ об скорее всего, одиноком человеке, склонном к мечтам, шербатации ответственной жизни. Ю. Власов использовал множество

выраженческих средств, широкое обилие и мотивы, приспосабливая для раскрытия личности главного героя, при этом продолжая литературные традиции

Общее количество баллов

$20 - 10 - 5 - 7 - 5 = 47$

Подписи членов жюри

[Подпись]

ЗАДАНИЕ 2

«Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится».

— писал в 1932 году Осип Мандельштам. Действительно, в XX веке «чужая речь», то есть поэтика цитат и аллюзий, стала привычным инструментом литераторов. Прочитайте два фрагмента стихотворений, в которых авторы использовали цитаты. Представьте, что вам необходимо написать небольшое эссе о «чужой речи» в литературе для научно-популярного просветительского сайта.

Чтобы эссе получилось содержательным, не забудьте следующие вопросы: Какие произведения процитировали авторы этих фрагментов? Какую задачу решают авторы с помощью «чужой речи»? Есть ли что-то общее у представленных текстов, чем они различаются? Приведите свой пример произведения, содержащего цитату, и сопоставьте его с приведенными двумя.

Фрагмент 1

...
Дом — памятник архитектуры
фронтоны завитки амуры
лемуры башенки колонны
оканты ранты каннелюры
решетки лоджии балконы
кариатиды и пилоны
гербы: колосья и короны
подвалы чердаки и крыши
бродяги голуби и крысы
помойки кошки и вороны
порталы купола и шпили
часы зачем-то прилепили
два льва глядят на человека
дом — особняк начала века
«дом улица фонарь аптека...»

...
Генрих Сагир, 1982

Фрагмент 2

...
Чудесный жезл коснется слова,
И, ритмами окрылена,
Его житейская основа
Иным значением полна.

«Ночь, улица, фонарь, аптека» —
Не проза, а язык скупой
Тоски трагического века
Пред наступавшею грозой.

Трагизм судьбы давно нам ведом.
Поэтому близка ты нам,
Та песня, что когда-то дедам
Пропел печальный Вальсингам.

Евгений Яшин, 1933

Количество баллов — 20

Ответ:

„Чужая речь“ в литературе

В XIX веке в мировой литературе популяризировалась „чужая речь“ — цитаты, поэтика цитат и аллюзий. Чтобы разработать этот феномен и вынести его приемы, можно обратиться к анализу стихотворения Генрика Саллера 1982 года („Фрагмент 1“) и к анализу стихотворения Вячеслава Липова 1933 года — для наглядности.

В конце первого фрагмента Г. Саллер цитирует стихотворение А. А. Блока, которое, в свою очередь, этой строкой отсылает читателя к стихотворению А. А. Блока: „Ночь улица, фонарь, аптека...“ Само же стихотворение к А. А. Блоку процитировано Е. Липовым в начале второй строки второго фрагмента: „Ночь улица, фонарь, аптека“. Прямая цитированная цитата во втором фрагменте довольно проста: Е. Липов пишет о традиции цитат, о том, XIX века в особенности. Именно стихотворение А. Блока является, пожалуй, самым цитируемым среди всех творений модернистов и в частности символистов. Именно оно отображает традицию цитирования и еще одну особенность времени. Цитирование его здесь вписывается в контекст для подтверждения смысла второго фрагмента для подтверждения смысла. Подобную цель преследовал Г. Саллер, цитировав цитату известной поэтессы для подтверждения смысла и мотива уже всем известной и разработанным произведением другого автора, чтобы читателю было проще сравнить и увидеть смысл поэмы.

Из общего у обоих фрагментов можно отметить принадлежность, к в первую очередь, к лирике — это стихотворение. Они относятся к модернизму, написаны четырьмя столетиями назад и имеют цитату из другого литературного произведения. Из отрывка выделяется стихотворение первого фрагмента, отсутствующее в тексте на второй, а второй фрагмент представляет третье стихотворение. Фрагмент стихотворения Г. Саллера почти не имеет знаков препинания, строки, кроме первой, написаны со строчной буквы, что явно отображает протест против литературных норм, а фрагмент стихотворения Е. Липова написан

В соответствии с литературными нормами, с соблюдением всех знаков препинания и диакритических букв. Кроме того, второй орфограф имеет оформленную перекрёстную ригулу, в то время как первый орфограф имеет стандартную ригулу.

Подобным литературным произведением, содержащим цитату, можно считать роман Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание". В манускрипте, когда Родион находится дома у Сони, она читает ему Библию. Так в романе представлена цитата. Она также оформлена широко в прозаическом в том смысле, что в начале главного предложения, помещена первая буква читателя, относя его к более широким произведениям. Отличие от приведённых орфографов состоит в том, что произведение, содержащее цитату, - "Преступление и наказание" - это не стихотворение, а роман, и относится к эпическому роду, а не лирическому. Если цитирование Библии - тоже не является стихотворением, относится к ширине.

Таким образом, "чужие речи" стали привнесённые для лириков XV века в связи с тем, что многие известные произведения подражательные по своему характеру, уже были написаны и для прозаиков. Их широта целесообразно представляется уже разобранно и ясно.

Общее количество баллов

$$5 - 2 - 10 - 0 - 3 = 20$$

Подписи членов жюри

